

Постояв немного, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Постояв немного, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.

В. КУХАРИШИН.

РУБАИ

Омар Хайям — поэт, воспевший пьянство,
Ты победил и время и пространство.
Который век в любом конце земли
Наказ твой чтут с завидным постоянством.

Минуты сытости и месяцы лишений,
Век инквизиции и годы послаблений —
Полезно все, что преподносит жизнь,
Источник радости и горестных сомнений.

Каким бы ты себя ни мыслил господином,
Для эйфории и зазнайства нет причины:
Как ни взлетел бы ты, чего бы ни достиг,
Найдутся более высокие вершины.

Смелый взгляд, на красавицу брошенный, — грех.
Рог вина за здоровье осушенный — грех.
Каждый шаг в этой жизни, любое движение
С точки зренья ханжей и фанатиков — грех.

Напрасно жаждут обличители почета
Искать изъяны — немудреная работа,
А ты попробуй сделать что-нибудь такое,
Что мир приблизило бы к счастью хоть на йоту.

Е. МОСЯГИН

О ЛЮБВИ И ПЕЧАЛИ

Утро жизни твоей
Озарило мой вечер,
Над судьбою моей
Засветился твой взгляд.
Жизнь свела на нежданной,
Негаданной встрече
Твой веселый рассвет
И мой грустный закат.
В нашем полужнакомстве,
Необычном и странном,
Не свершилось красивых
И праздничных дней.
И осталось мне только
В мой вечер туманный
Вспоминать о несбывшейся
Сказке моей.

А. ВАГАБОВ.

Ну, пожалуйста, прозу — так прозу,
Если грусть, то шабашную грусть.
Ты приносишь легко сердцу грозы,
Только я этих гроз не боюсь.

Ты легко можешь душу встревожить
И вести со мной злую игру,
Только я-то люблю и, быть может,
На глазах нелюбимых умру.

Ты легко можешь утром присниться,
Когда голос боится шуметь,
В каждой строчке пичугой резвиться,
Мою жизнь сквозь игру рассмотреть.

Ты легко потерять меня можешь,
Убежать от меня далеко,
Успокоить и снова встревожить, —
Так легко, дорогая, легко.

А. РАДЧЕНКО

ВОЛШЕБНЫЕ РУКИ

Массажистке Тане
Вы, сильные руки, волшебные руки,
Вы вечно в работе без лени и скуки,
Себя Вы до капли больным отдаете,
От боли Вы им избавленье несете.

И мнете и трете, щипая, толкая,
Застойную кровь вновь по венам гоняя,
Болезни отступят — пути им заказаны,
Сестра-массажистка. И этим
все сказано.

А после больницы и дома работа,
За Вами по кругу несутся заботы.
Волшебные руки, Вы снова в работе:
Готовите пищу, стираете, шьете.

Несете Вы с рынка тяжелые сумки,
Плетете косички любимой дочурке.
Мелькают в них спицы — для сына,
для мужа...

На кухне остыл Вам оставленный ужин.
На худеньких плечиках дремлет
усталость,
Свинцовая тяжесть на пальцах осталась.
И муж, потихоньку, чтоб не было
слышно,
Массирует руки родной массажистке.

Вновь утро приходит — и снова работа:
Мелькание пальцев —
до боли, до пота...
И я отдаюся Вам без страха и риска,
Волшебные руки моей массажистки.

В. АНИСИМОВ.

Вы семьи имели, любимыми были,
Но радость в день летний, как нить,
порвалась,

Любимцев своих вы на фронт проводили,
Жизнь вдовья мучительная началась.

Вам горе до боли сердца разъедало,
Осмыслить глубоко — по коже мороз!
Дней ласковых выпало в жизни так мало
И много горячих вы пролили слез.

Из сил выбивались, порой голодали,
Работа, забота — тому нет конца!
У вас был свой фронт, вы его не сдавали,
А с фронта вы ждали клочек письмеца.

Но вместо слов милых вам шли похоронки.
И горе, как лед, оседало в груди.

ВДОВЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Погибли мужа на далекой сторонке,
И вам до сих пор их могил не найти.

Детей малолетних на путь наставляли,
От них горько-жгучую пряча слезу.
Последний кусок свой на фронт отпра-
вляли,
Страдальческую побеждая стезю.

Атланты вы! Прочно плечами держали
И огненный фронт, и растерзанный тыл.
Вы все выполняли, вы все успевали,
Ваш труд спас Отчизну, врага победил.

Себя не жалели, в труде вы горели,
Для Родины отдали все, что смогли.
Пред вами нам следует встать на колени
И вам поклониться до самой земли.

В. БАСОВА

ПОЛЯНА СУДЬБЫ

РАССКАЗ

Постояв немного, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.

Постояв немного, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.

Мать угасала тихо и безропотно. Она лежала исхудавшая и безучастная ко всему, что вокруг нее происходило. Когда-то живые, блестящие глаза были полузакрыты, сухонькие руки безвольно протянуты вдоль тела. И только едва слышное дыхание говорило о том, что она еще жива. В доме было прохладно и сумеречно, желтые портьеры не пропускали яркий солнечный свет и жару в комнату, где лежала Надежда. Терпко пахло лекарствами и травами, большие часы мерно и нудно отсчитывали время. Ее время...

На вечерках в сельском клубе Надюшка была самой веселой и безудержной на выдумки. Маленькая росточком, но с ладненькой фигуркой, она своим смехом и озорством заражала всех. Она любила петь, и хотя голосок был не ахти, того никто не замечал. Возле нее всегда было много друзей, ее любили за покладистый и уступчивый характер, за умение даже в плохом находить крупицу доброго, полезного. Ребята особенно липли к ней, каждому хотелось завладеть ее вниманием, добиться расположения и любви, но она шутила и смеялась, и никому не отдавала предпочтения.

В тот год лето выдалось жаркое, грозное. В самый разгар сенокоса Надюшка возвращалась уже в сумерках с дальних лугов. В корзинке лежали собранные по дороге грибы, в руках охапка полевых цветов. Она не спеша, отдыхая, шла и по лесной тропинке меж высоких сосен и берез, напевая себе под нос, мысленно радуясь отдыху и тому, что дома ее ждала баня и чистое белье. Завтра, по росе, снова на покос, чтоб успеть убрать до грозы скошенное накануне сено. Надюшка повернула уже на просеку, что прямоком выходила в село, как вдруг услышала какой-то шум, прямоком через чащу на нее кто-то бежал. Не успев испугаться, она увидела молодого парня, который схватил ее за руку и с отчаянием закричал:

— Девушка, милая, помоги! Там моя жена... Скорей!.. — И не дожидаясь ответа, потащил ее за собой.

На поляне, окруженной величественными соснами, лежала молодая женщина и надрывало стонала.

— Что с ней? — с тревогой спросила Надюшка.

— Не знаю! — с отчаянием воскликнул мужчина. — Шла-шла, потом как согнется, как закричит... Беременная она...

— Так, может, рожает? — робко предположила Надюшка.

— Да рано ей! — с испугом выкрикнул мужчина. — Еще пять месяцев только. Го-

ворил же, Анна, поостерегись. Нет же, пласта-ется наравне с мужиками... Что делать-то?

— Что... Что... Я не знаю, — растерялась Надюшка. — Врача ей надо. Бегите в село, а я здесь, с ней побуду. Не дойдет поди сама-то? Да бегите же, что ж время терять?

— Да как же я вас брошу, а вдруг что случится?

— Что ж мы вдвоем на ее муки смотреть будем? Да и чем поможем?.. Бегите скорей! — закричала в сердцах Надюшка, видя, как сомневается парень и боится.

Часто оглядываясь, он все-таки побежал, и вскоре его топот затих вдалеке. Надюшка наклонилась над Анной. Лицо молодой женщины в серости вечера было белым, искаженным болью и страхом, пытаясь встать, она ухватилась за молоденький куст.

— Анна, давайте я вам помогу.

Анна с трудом приподнялась, и в ту же минуту Надюшка увидела, как светлое платье женщины побурело и вмиг намочило от крови.

— Ой! — Надюшка с ужасом попятилась.

Анна охнула и неестественно подогнув под себя руку, повалилась в кусты. Надюшка подползла, попыталась приподнять ее, но Анна была тяжелой, что еще больше напугало девушку.

Когда приехал на подводе Федор, Анна уже умерла. Она лежала спокойная и безразличная ко всему, и в темноте только белое платье пятно выделялось на смятой траве. Федор, не веря случившемуся, вне себя тряс жену, лихорадочно целовал в холодные губы и рыдал от горя. Надюшка бил оземь, она ничего не понимала и только мысленно казнила себя за то, что не смогла помочь, ругала нерасторопного Федора и еще неизвестно кого и за что.

Она потерянно стояла в сторонке, и крупные слезы катились по ее щекам и падали в темную траву.

В село приехали уже ночью. В доме зажгли яркий свет, набегали соседи, проснулись дети Федора, заплакали, заголосили, и в этой панике и неразберихе Надюшка вдруг ощутила такую безысходность и скоротечность жизни, что ей захотелось сию же минуту сделать что-то такое, что остановило бы время и надолго задержало бы ее на этой земле.

Еще не совсем придя в себя, она взяла маленькую Настю на руки, поманила за собой старшенького Сережу. В своей избе уложила детей, напевая им колыбельную, слышанную когда-то от бабушки и давно забытую и вдруг неизвестно каким образом всплывшую в памяти, прилегла рядом и мысленно вернулась вновь на поляну, увидела мертвую Анну, темнеющий, сумрачный лес и, крепко обняв, прижала детей к себе.

Свадьбу с Федором они не играли, просто

сходили в сельсовет и тихонько расписались. К тому времени мать Надюшки уже успокоилась и примирилась с тем, что ее доченька, красавица и певунья, пойдет за вдовца, на двоих детей. Отец же никак не хотел понимать свою всегда послушную дочь, которая в одночасье сделалась вдруг взрослой и упрямой, как будто подменили ее. Надюшка на все доводы отца не отвечала, только плакала и тайком бегала на другой конец села обихаживать чужих ребят-шек, будто была в чем-то перед ними виновата, и где-то глубоко, в самых потаенных уголках души, затаилась малюсенькая, болезненная при воспоминании, колючка-вина: не смогла, не спасла, не сумела.

Через год Надежда родила дочь Александру, но прожив два месяца, девочка заболела и умерла, так и не дав Надежде насладиться материнством. И опять, как тогда на поляне, пришла в голову мысль о быстротечности жизни и незащищенности человека от тайных сил, что вершат судьбы людей. После смерти дочери Надежда не плакала — захолонуло сердце — только с тех пор никто уже не слышал ее веселых песен. Она жила тихо и незаметно, подымала детей Федора Настю и Сережу, души в них не чаяла. И они платили ей искренней привязанностью и любовью, бегали за ней следом, помогали на огороде и со скотиной. Федор был ласковым и надежным, и ничего, казалось, в ее жизни не может измениться.

Зима в тот год выдалась холодная и бесснежная. Сергею шел восемнадцатый год. Они поехали с отцом в город за подарками к Новому году. Надежда с Настей остались наряжать елку и печь пироги. Увидев из окна бежавшую к ним секретаршу из сельсовета, Надежда сердцем почувала неладное.

— Ой, тетя Надя, беда! Дядька Федор!.. — секретарша заревела в голос.

— Что? Что?.. — голос Надежды осекся, и она захрипела.

Когда Надежда очнулась, увидела возле себя свою мать. Старушка, сгорбившись, сидела у кровати, пахло лекарствами и нашатырем, сельская фельдшерка суетливо собирала свой саквояж.

— Ничего, тетя Надя, страшного, дядя Федор с Сереей в больнице.

«Значит, живы», — пронеслось в голове, и она опять куда-то провалилась.

Федор с сыном выздоравливали медленно. Автобус, в котором они ехали, столкнулся с грузовиком и, перевернувшись, упал с обрыва. Голову Федора прижали пиллой, долбили железными шутовскими и выпускали кровь, что скопилась от удара в мозгу — так объяснил врач, но речь к нему так и не вернулась, правая рука не двигалась, ноги не слушались. И из ласкового, заботливого мужа превратился в беспомощного ребенка, которого нельзя было ни наказывать, ни приласкать ночью в супружеской постели. Как видно, та поляна навсегда отняла жизнь Анны и счастье Надежды. Эх, знать бы, да миновать ту поляну часом раньше. Да, видно, от судьбы не уйдешь...

Федор умер месяц назад. С тех пор и Надежда перестала жить. Она часами бесцельно бродила по дому, задевая мебель, ушибалась и не замечала этого, перекладывая вещи с места на место, не понимая для чего это нужно, тут же забывая, зачем и куда положила. А потом и совсем слегла.

— Мамуля, как ты? — Настя присела на край кровати, обняла мать.

Надежда шевельнулась. При виде дочери что-то живое вспыхнуло в блеклых глазах и потухло. К вечеру Надежде стало совсем плохо. Анастасия Федоровна вызвала неотложку, которая последние дни часто навещала их дом. Молоденький врач, выслушав Надежду, развел руками и, отведя Анастасию Федоровну в сторонку, тихонько сказал:

— Готовьтесь, больше двух дней не проживет.

После ухода врача Анастасия Федоровна зашла к матери, присела на краешек кровати, взяла сухонькую руку матери в свою, погладила. Сколько дел переделали эти руки: косили, копали, стирали, корчевали пни, рубили дрова, — почитай всю женскую и мужскую работу приходилось делать этим рученькам. Вон какие жили, а сил уже нет.

— Спой мне, Настюша, — неожиданно прозвучал голос матери в звенящей тишине, отчего Анастасия Федоровна даже вздрогнула. Она, пораженная неожиданной просьбой, мгновение помолчала, а потом тихонько запела любимую песню матери: Ой, да не вечер, да не вечер Мне малым-мало спалось...

Она пела и не видела, как исчезла жизнь из глаз матери, и душа ее полетела на ту поляну, где она оставила свое счастье, и куда все эти годы рвалось ее сердце, вымаливая прощение неизвестно у кого и неизвестно за что.